

Е.А. СМАГУЛОВ

К ИСТОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И РАЗВИТИЯ «ЖИЛИЩА ОТРАРСКОГО ТИПА»

Одним из важных достижений Южно-Казахстанской Комплексной Археологической экспедиции в 70-80-х годах прошлого века стало развитие этноархеологического направления. В трудах сотрудников экспедиции уже в те годы практический синтез этнографии и археологии совмещался с соответствующими подходами к созданию и анализу источниковедческой базы¹. В результате чего применительно к позднесредневековой культуре Южного Казахстана было выработано понятие «оттарский тип жилища». В данном очерке не претендуя на всесторонний охват проблемы отражения этнокультурной истории края в эволюции традиционного жилища, мы попытаемся привлечь внимание к её некоторым не маловажным, на наш взгляд, моментам.

Позднесредневековое жилище XVI-XVIIIвв. Понятие «оттарский тип жилища» было сформулировано на основе обобщения массового материала полученного в ходе раскопок методом «широкими площадями» позднесредневековых слоев городища Оттар-тобе². Оно не однократно описано и обосновано, но наиболее раз-

вернуто в публикации 1982 г.³ В ней традиционное «жилище оттарского типа» охарактеризовано следующим образом: «В настоящее время известно уже около 150 домов-секций⁴, которые достаточно полно характеризуют жилище позднесредневекового Оттара. Анализ жилой архитектуры позволяет считать, что в городе существовал единый тип жилища, который можно назвать традиционным. Основная жилая ячейка в простейшем случае — отапливаемая комната с айваном или передней. В многокомнатных домах жилая ячейка с ее составными частями неоднократно повторялась, т. е. с возрастанием площади и числа комнат принцип организации жилища не менялся, архитектурно-планировочное решение во всех случаях следовало единому традиционному типу⁵ (подчеркнуто мной — С.Е.А.). Интерьер основного (и зачастую единственного) жилого помещения, «главного», «центрального»⁶) характеризовался наличием большой «П-образной» суфы занимавшей почти всю площадь помещения, кроме небольшого участка пола перед входом площадью 1,5-2,5² вымощенный квад-

¹ К слову, подобное направление исследований лишь позже получило мощное развитие, например, в российской, преимущественно, сибирской археологии (Клейн Л.С. Археология и этнография: проблемы сопоставлений//Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Новосибирск, 1998, т.3, с.29-66; Томилов Н.А. Этноархеология и ЭАК//ЭАК: проблемы культуры и социума. Новосибирск, 1996, т.1, с.5-23; Семенова В.И. Археологическая и этнографическая реальность: возможности перевода// Интеграция археологических и этнографических исследований. М., Омск, 1999, с.48).

² Именно такой метод раскопок даже многослойных памятников оказывается наиболее адекватным задачам и целям этноархеологических исследований. См.: Акишев К.А. Байтаков К.М., Ерзакович Л.Б. Позднесредневековый Оттар. Алма-Ата, 1981, с.139-149; они же: Оттар в XIII-XVвв. Алма-Ата, 1987; Смагулов Е.А. К разработке системы понятий фиксации массового материала при раскопках “широкими площадями”// Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата. 1983.

³ Акишев К.А. Байтаков К.М., Ерзакович Л.Б. Жилище позднесредневекового Оттара XVI-XVIII вв.//Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982, с.121-136.

⁴ В публикации 1981г. говорится о трехстах домах-секциях позднесредневекового Оттара (Акишев К.А., Байтаков К.М., Ерзакович Л.Б. Позднесредневековый Оттар., с. 139).

⁵ Акишев К.А. Байтаков К.М., Ерзакович Л.Б. Жилище позднесредневекового Оттара.., с.123.

⁶ Поскольку в специальной литературе и археологических публикациях наблюдается терминологические различия, следует оговорить смысловое содержание используемых в дальнейшем понятий и терминов. Нам следует, очевидно, различать **жилища первого порядка** (первичные), или просто жилище/жилая секция/жилая ячейка состоящие из одного или нескольких (обычно 2-3-х) разнофункциональных помещений непосредственно связанных между собой проходами. Под **жилищем второго порядка**, или домом/жильм комплексом/домовладением/жильм блоком, из которых состоит **жилой массив/массив сплошной застройки**, нами понимается замкнутый/изолированный комплекс помещений связанных между собой проходами через **коридор/вестибюль/внутренний дворик/айван**. Оно должно включать от одного до двух-трех (и более) **жилых ячеек/секций**, имеющих непременные атрибуты/признаки. Таковыми являются прежде всего «П-, Г-образные» суфы и тандыр/очаг. **Суфа** – это глиняное возвышение (20-65см) в жилом помещении расположено вдоль всех стен с проемами в местах входов/выходов. Служит для сна, на ней принимают пищу, отдыхают и т.д. **Тандыр** – специально изготовленная керамическая универсальная печь. **Бадраб**/мусорная яма-септик под туалетной комнаткой, служит обычно и для сброса бытового мусора.

ратным обожженным кирпичом. В центре такой вымостки под одним из кирпичей обязательно устраивался поглотительный колодец, куда стекала грязная вода. Эта так называемая «площадка ташнау» по краям имела борта – края суфы, иногда выведенные из обломков обожженных кирпичей⁷. Высота суфы обычно 50-60 см, т.е. в высоту встроенного в нее одного, иногда двух тандыров. Тандыр встраивался в суфу так, что его боковое топочное отверстие выходило на ее край. Напротив топки, в противоположной стенке тандыра, имелось круглое дымоходное отверстие диаметром 8-12 см. Далее горизонтальный отрезок дымохода вел к ближайшей стене, в которой устраивался вертикальный дымоходный колодец выходивший, вероятно, на крышу. Массивный венчик тандыра бровень с поверхностью суфы, а его устье закрывалось специально изготавлившейся керамической крышкой. На суфе у одного из углов площадки с ташнау иногда имелась специальная глинобитная тумба размерами 40-60x40-60 см. Верхняя плоскость такой тумбы обычно выше уровня суфы, сильно прокалена и закопчена. Здесь же у края площадки ташнау, примерно в центре помещения, иногда можно было видеть массивный плоский камень или выкладку обожженным кирпичом, служившие основанием центральной колонны. В стенах, в случае их хорошей сохранности, в отдельных слу-

чаях фиксировались основания «внутристенных» (точнее пристенных) ниш. В углах этих жилых помещений иногда устраивались глиняные лари-закрома или же неглубокие погреба для хранения провизии. Чаще для хранения продуктовых припасов имелось специальное помещение-кладовая. Она располагалась обычно за задней стеной жилого помещения, и вход в нее мог быть с уровня суфы жилого помещения. Площадь кладовых обычно составляла от $\frac{1}{3}$, до $\frac{1}{2}$ жилого помещения и их отличало наличие ларей-закромов вдоль стен, а также вкопанные под уровень пола или суфы большие керамические сосуды-хранилища (хумы). Иногда здесь, в углу, мог быть сделан глиняный постав для ручной мельницы (дирмен), или устроен ташнау под небольшим вымощенным кирпичом участком пола. Вот собственно и все основные детали обустройства интерьера типичного дома оттарского типа XVI–XVIII вв. (рис.1; рис.2; рис.6,1-3).

Планировочная композиция отдельного жилища, если оно было многокомнатным, могла быть самой разнообразной, но, как верно было ранее отмечено своеобразным «модулем» или «ячейкой» было основное жилое помещение с суфами, ташнау и тандыром. По сути, оно подобно «эмбриону развития» жилищ кочевых и полукочевых народов Евразии в теории Н.Харузина, который он усматривал, как известно, в форме «первобытного шалаша»⁸.

⁷ В нашем описании (и понимании) «дома оттарского типа» и описании (и, очевидно, понимании) Л.Б.Ерзаковича, который в то время наиболее последовательно занимался изучением истории оттарского жилища, имеется один различно трактуемый нюанс. При описании участка жилого помещения перед тандыром, Ерзакович Л.Б. использует определение «очаговая яма», «очаговая площадка» «тандыры с небольшой очажной ямой перед ним» которое, на наш взгляд, есть следствие не совсем адекватного понимания планировки, и, главное, эволюции жилища (Ерзакович Л.Б. Жилище позднесредневекового Отара как источник для реконструкции этнокультурных процессов на юге Казахстана., 1986, с. 101; Акишев К.А. Байтаков К.М., Ерзакович Л.Б. Позднесредневековый Оттар, с.146; Акишев К.А. Байтаков К.М., Ерзакович Л.Б. Жилище позднесредневекового Отара XVI–XVIII вв., с.133). По сути «очаговая яма» является участком пола помещения, остающимся свободным от застройки помещения суфами (суфой). В ходе эволюции этот участок пола имеет тенденцию сокращаться из-за расширения площади суфы. Он обычно расположен у входа, и на него, прежде всего, ступали входящие в помещение. Здесь оставляли верхнюю обувь, перед тем как расположится на суфе; здесь ополаскивали руки; отсюда загружали тандыр топливом... Такое разделение по уровню двух поверхностей жилища (уровень пола и уровень суфы) сохраняется в местном жилище до этнографической действительности (Жилина А.Н. Традиционные поселения и жилище узбеков южного Казахстана., 1982, с.137-163). Поэтому считаем не верным представление, что суфа в «оттарском доме» отмирает, что она делается в уровень с полом прихожей, улицы; что поверхности пола («грязного», по нему ходят) и суфы («чистого», на ней спят, сидят, расстилают дастархан, едят) совмещаются (Акишев К.А. Байтаков К.М., Ерзакович Л.Б. Жилище позднесредневекового Отара XVI–XVIII вв..., 1982, с.133). Четкое разделение уровней дома на, условно говоря, «чистый» уровень (поверхность суфы) и «грязный» (поверхность пола), что и обеспечивала суфа, как основной атрибут средневекового и традиционного дома, является характерной чертой местной бытовой культуры. В редких случаях в ходе раскопок выявляется, что «предтандырная площадка» оказывается в части помещения, где нет дверного проема. Возникает впечатление, что эта углубленная площадка специально выкопана только для того чтобы устроить в ее стенке топку тандыра. Такая ситуация обычно следствие не четко выявленных в ходе практической расчистки дома его перестроек, строительных периодов, когда закладывались первоначальные дверные проемы, открывались новые, менялось расположение суф и т.д. Следует признать, что всегда первоначально свободный от суф участок пола расположен у дверного проема, когда в ходе вскрытия достоверно установлена синхронность «тандырной площадки», суфы и дверного проема. И это есть один из характерных признаков «оттарского типа жилища».

⁸ Харузин Н.Н. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России // Этнографическое обозрение. Изд. Этнографического отдела Имп. Общ. любителей естествознания, антропологии и этнографии. Год 8-й. Кн.XXVIII. М., 1896. № 1. с. 3.

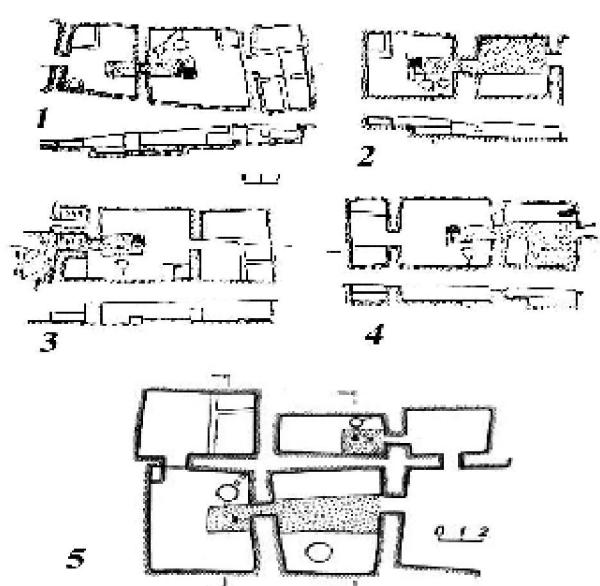

Рис.1. Планы жилищ Отара XVI-XVIII вв. (по: Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1981, рис.24,25).

Наиболее распространенной была планировкой «осевая» («линейная», «анфиладная»), когда все три помещения – «прихожая» – «основное жилое» – «кладовая» – располагались одно за другим и последовательно были связаны прохо-

дами (рис.1; 2; 6-1-3). Это, надо полагать, и есть «**полная жилая ячейка**», представлявшая собой дом малой семьи. Эта наиболее типичная планировка могла соседствовать с иными планировочными схемами – «крестообразной», «дворовой», «коридорной», но такие планировки, вероятно, возникали при усложнении структуры социальной ячейки заселявшей дом. Естественно, что планировка дома большой неразделенной семьи, включавшей женатых сыновей проживавших в одном доме с родителями, должна была включать соответствующее количество ячеек/модулей, т.е. жилых помещений с суфой и тандыром. Но здесь жилые секции/ячейки представлены обычно в своем «усеченнном», не полном виде, без кладовых, обычно без отдельных прихожих. Кстати, достоверно расчищенных таких жилищ на Отаре совсем немного, и они не типичны для рассматриваемого периода XVI–XVIII вв.⁹

Уникальной чертой, выделяющей отарский дом из круга среднеазиатского домостроительства, является, по существующему мнению, система отопления, состоящая из тандыра с дымоходом в суфе и стене. Предлагается считать эту систему отопления местной, имеющей самостоятельные источники, не связанные с занесенной монголами дальневосточной традицией устройства канов¹⁰. Делались сопоставления, на наш взгляд, не всегда убедительные, с известными в

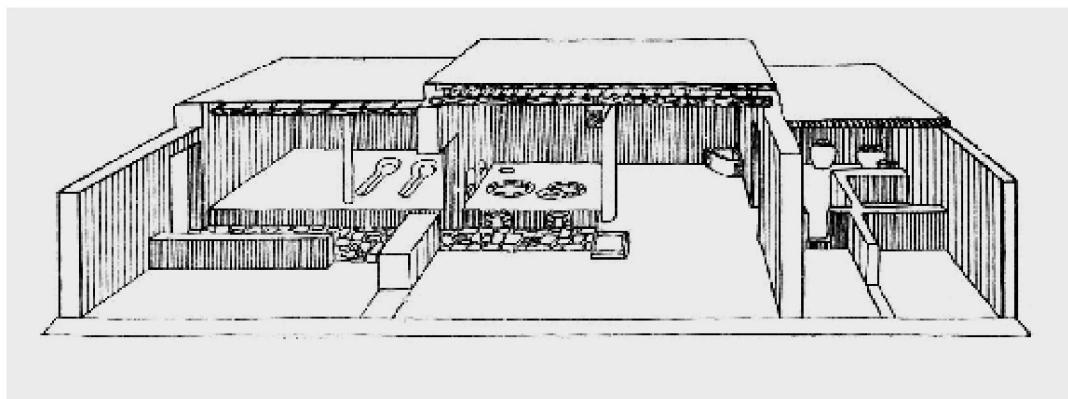

Рис.2. Реконструкция позднесредневекового дома отарского типа (по: Байпаков, 1990, рис.на с.95).

⁹ Ерзакович Л.Б. Об одном типе жилого дома Отара XVII века // Известия НАН РК. Серия общественных наук. № 5, 1993, с. 51-57; Нужно отметить, что вскрытие и реконструкция плана даже простейшего жилища в системе плотной квартальной застройки функционировавшей сколько-нибудь продолжительное время, представляют определенные трудности. Перестройки зачастую настолько искажали первоначальный план, что однозначная реконструкция его изначального вида становится подчас невозможной.

¹⁰ Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Позднесредневековый Отар, с.146-147; Ахинжсанов С., Ерзакович Л. К вопросу о происхождении канов на Сырдарье // ИАН Каз ССР. Серия общественных наук. 1972, № 2. С.4 – 16.

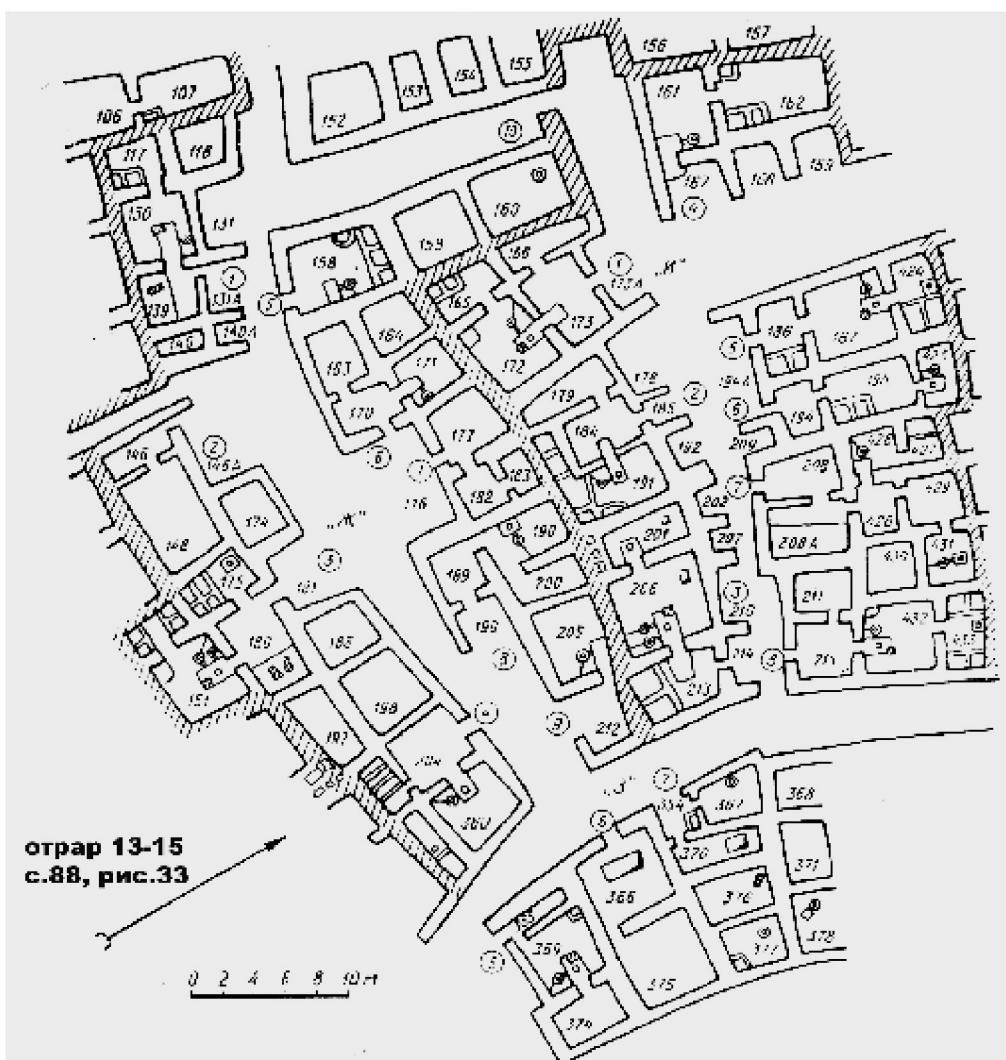

Рис. 33. Горизонт II. План первого строительного периода

Рис.3. Участок застройки позднесредневекового Отара.
(Раскоп III, СГ2, по: Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1987, рис.33).

этнографии казахов элементами отопления, но наиболее близкой и прямой аналогией оттарскуму жилищу признано все же жилище южноказахстанских сартов: «Аналогии позднесредневековому оттарскому жилищу мы находим в старых домах сельского узбекского населения, проживающего в присырдаринских районах Южного Казахстана»¹¹. Последовавшие публикации А.Н. Жилиной¹² по традиционному оседловому жилищу присырдаринского региона действи-

тельно показали уникальное совпадение оттарских жилищ и жилищ сартов в планировке, в деталях интерьера, а главное в организации внутреннего жилого пространства.

Постановка проблемы. Сравнительный анализ материалов по оттарскому жилищу привел исследователей к выводам, что в целом этот тип жилища лежит в русле традиций среднеазиатского домостроительства, некоторые отдельные элементы роднят оттарский дом с жилищами

¹¹ Акишев К.А. Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Позднесредневековый Отар., с.147

¹² Жилина А.Н. Традиционные поселения и жилище узбеков южного Казахстана//Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982, с.137-163; Жилина А.Н., Томина Т.Н. Народы Средней Азии. Традиционное жилище народов Средней Азии (XIX-начало XX вв. Оседло-земледельческие районы). М., 1993. 273 с.

многих народов Средней Азии, но наиболее системные и близкие аналогии известны в жилищах горных таджиков и присырдаринских сартов, т.е. потомков наиболее древнего оседло-земледельческого, городского пласта населения Средней Азии¹³. Это наблюдение позволило нам в свое время сформулировать предположение о том, что «оттарский тип дома» имеет древний генезис и является результатом развития одного из древнейших среднеазиатских типов оседлого/стационарного жилища, происходившего от формы «кочевого» жилища¹⁴.

В начале 80-х годов исследователи сочли преждевременным ставить и рассматривать вопрос «о происхождении жилищ Оттара XVI–XVIIвв» сославшись на недостаточность более раннего сравнительного материала¹⁵. За прошедшее время этот вопрос, к сожалению, так и не был поставлен и рассмотрен хотя появились публикации материалов по жилищу более ранних эпох¹⁶, изданы монографические исследования по жилищам разных исторических периодов смежных регионов¹⁷, изданы новые этнографические материалы по жилью различных народов Средней Азии¹⁸ и т.д.

В частности, имеющийся теперь археологический материал несомненно свидетельствует, что все основные признаки «жилища оттарского типа» имеются в жилищах XIII–XIVвв. Т.е. пока ранний этап существования «жилища оттарского типа» можно хронологически отнести как минимум к XIIIв. Именно в этот период, по Л.Б.Ерзаковичу, происходит «окончание процесса форми-

рования» позднесредневекового традиционного типа южноказахстанского жилища¹⁹.

Жилища XIII–XVвв. Строительный горизонт с жилищами послемонгольского времени вскрыт раскопом III в юго-западной части основного холма городища Оттар. Здесь на площади около 300м² в одном жилом массиве V строительного горизонта (СГ5) вскрыты частично и полностью четыре жилых комплекса (дома)²⁰. Датируется данный горизонт XII- середина XIII вв.²¹ (рис.4). Вышележащий строительный горизонт (IV) датируется последней третью XIV–XVвв. Л.Б.Ерзакович отмечает отсутствие в раскопе строительного горизонта «монгольского времени», т.е. отмечается существование хронологической лакуны, которая составляет «более полувека», в регулярной застройке данного участка города²². Если исходить из предложенных дат, то лакуна, очевидно, составляет скорее более века (!) (от середины XIII в. до последней трети XIVв.). Но, как показывают материалы по стратиграфии Оттара, слои этого времени присутствуют в других частях застройки города. Как раз к этому времени относится сгоревший строительный горизонт в СВ части холма Оттартобе. Здесь небольшим «Раскопом X» был расчищен дом анфиладной планировки, сгоревший в результате внезапного пожара. При его расчистке были найдены уникальные находки: бронзовая хорасанская чернильница, сирийский стеклянный полихромный графин, сгоревшая книга в кожаном переплете²³. В центральном жилом помещении расчищена «П-образная» суфа, занимавшая основную часть

¹³ Смагулов Е.А. К вопросу об этнической атрибуции культуры позднесредневекового Оттара// Позднесредневековый город Средней Азии. Ташкент, 1990, с. 211–215; Смагулов Е.А. К вопросу об этнической принадлежности позднесредневековой культуры древних городов Южного Казахстана// Тезисы докладов научно-практической конференции, посвященной 70-летию организации Чимкентского обл. историко-краеведческого музея. Алма-Ата, 1990, с.47-50.

¹⁴ Смагулов Е.А. Новые данные к реконструкции комплекса культовых атрибутов на средней Сырдарье//Известия АН Каз.ССР, сер.обществ.наук, 5, 1991, с.28.

¹⁵ Акишев К.А. Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Жилище позднесредневекового Оттара, с.132.

¹⁶ Напр.: Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья в VI-начале XIII вв. Алма-Ата, 1986; Акишев К.А. Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Оттар в XIII–XVвв. Алма-Ата, 1987, с.35-65.

¹⁷ Напр.: Распопова В.И. Жилище Пенджикента. (Опыт историко-социальной интерпретации). Л., 1990, 205с.; Завьялов В.А. Кушаншахр при Сасанидах. По материалам раскопок на городище Зартепа. СПб., 2008, с.36-97; Материалы Тохаристанской экспедиции. Вып. I, «Археологические исследования Камыртепе». Ташкент, 2000; Раскопки в Пайкенде в 1999–2007 гг. Материалы Бухарской экспедиции, вып.I-IX, СПб., 2000-2008.

¹⁸ Напр.: Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982, 240с.; Кочевое жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 2000; Востров В.В., Захарова И.В. Казахское народное жилище. - Алма-Ата: Наука, 1989. 181 с.; Деревянко Е.И. Древние жилища Приамурья. М., 1991; Жилина А.Н., Томина Т.Н. Народы Средней Азии. Традиционное жилище народов Средней Азии (XIX-начало XX вв. Оседло-земледельческие районы). М., 1993.

¹⁹ Ерзакович Л.Б. Жилище позднесредневекового Оттара как источник для реконструкции этнокультурных процессов на юге Казахстана// Средневековые города южного Казахстана. Алма-Ата, 1986, с. 101.

²⁰ Акишев К.А. Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Оттар XIII–XV вв. Алма-Ата, 1987, с.35 и сл, рис.15.

²¹ Акишев К.А. Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Оттар XIII–XV вв., с.19.

²² Акишев К.А. Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Оттар XIII–XV вв., с.30.

²³ Смагулов Е.А. Находки импортных венцов в послемонгольском Оттаре//ИМКУ, вып.28, Самарканд. 1998, с.169-174.

помещения, с большим тандыром, который имел, проложенный в суфе в направлении к ближайшему углу, узкий дымоход. У тандыра было топочное отверстие вровень с полом, и плоскость стены суфы с этой топкой была оформлена декоративной керамической плитой²⁴. Традиция устанавливать «керамические тандырные плитки», или как-то иначе оформлять устья топок тандыров в наиболее благоустроенных домах существовала в синхронных домах Саурана и сохранилась в более поздних жилищах Оттара²⁵.

Система отопления в этом доме пережила два этапа; последний представлен вышеописанным тандыром, а до того на этом месте, похоже, стояла небольшая печь. От нее, через всю длину суфы, в дальний угол помещения тянулся двухканальный дымоход из обломков и целых обожженных кирпичей. Этот дымоход в суфе жилого помещения, вероятно, второй пол.-конца XIIIв имел ряд отличий от более поздних оттарских систем отопления «типа тандыр с дымоходом». Прежде всего, он шел в суфе вдоль длинной стены на некотором расстоянии от нее через все помещение, и этот участок был двухканальным. Дымоход делал поворот и вел к внутренней стене дома, отделявшей жилое помещение от небольшой кладовки. Дым и жар в этот дымоход поступали от небольшой печки, как это практиковалось в домах золотоордынского времени в Хорезме и Северном Прикаспии²⁶. Во второй период жизни хозяева дома отказались от каны и на место печи был встроен тандыр, а «жаропровод» остался замурованным в суфе. Очевидно, это первый (и единственный!) зафиксированный на Оттарате случай, когда действительно в первом строительном периоде отопление дома можно отнести к «системе типа кан». Ее главная задача – согреть как можно большую часть суфы и удержать тепло внутри дома. Более поздние (XVI-XVIII вв.) тандыры с дымоходами в суфе вряд ли можно называть канами, поскольку ос-

новная их функция все же была не отопление, а вывод дыма из помещения. Поэтому сами исследователи, понимая принципиальную разницу между «тандыром с дымоходом» и «дальневосточным каном», признают, что «оттарские каны таковыми можно назвать лишь условно»²⁷. Расчистка дома XIII-первой половине XIV вв. в «Раскопе X» показывает, что в послемонгольское время в Оттарате знали систему отопления «типа дальневосточного канала», но она здесь не прижилась, однако, как нам представляется, подсказала путь вывода дыма из отапливаемого тандыром помещения. Такую систему отопления можно назвать «тандыр с дымоходом» и рассматривать как пример культурной мутации, или стимулированной трансформации произошедшей в результате количественного накопления инноваций во взаимодействии с вековыми традициями²⁸. Теперь при изготовлении тандыра в его корпусе наряду с арочной выемкой внизу для топки в верхней части корпуса предусматривалось отверстие для вывода дыма. Более ранние же тандыры, как показывают материалы Карагатобе и Оттара XII-XIIIвв. и другие известные примеры, не имели дымоходов, а лишь небольшое круглое отверстие-поддувало в фасадной стенке. Это отверстие могло затыкаться обломком ручки тандырной крышки, чем регулировалась тяга. In situ такие «затычки» встречены на РЗ Карагатобе (рис.11). Как показывают археологические материалы, тандыры в виде специально изготовленных керамических изделий появляются в городских жилищах Средней Азии в конце VIII-IXвв. В домах Пянджикента построенных или реконструированных во второй четверти VIIв. таких тандыров еще нет. Но есть их вероятные прототипы – печи, устроенные из перевернутого хума без дна, установленного в специальную тумбу. Традиционно они называются в литературе «тонур»²⁹. Более широкое распространение тандыры получают во втор.пол. IX-Xвв.³⁰ Поначалу они

²⁴ Смагулов Е.А. Находки импортных венцов в послемонгольском Оттарате., с.169, рис.1.

²⁵ Байпаков К.М. По следам древних городов..., см. фото на стр.98.

²⁶ Секционные жилища из 2-3 помещений с центральным жилым, очень напоминающие планировку и устройство «оттарского жилища», но с типичным каном, изучались нами в регионе непосредственно граничащим с поволжскими золотоордынскими центрами, на городище Жайык на р.Урал (Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ахатов Г.А. Средневековое городище Жайык. Алматы, 2005, с.72-86).

²⁷ Акишев К.М. Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Позднесредневековый Оттар. XVI-XVIII вв. Алма-Ата, 1981, с.146; Акишев К.М. Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Жилище позднесредневекового Оттара XVI-XVIII вв.//Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982, с.133. Вероятно, такая «условность» понадобилась как повод поговорить о влияниях, «кочевническом», «монгольском» и пр. компонентах в средневековой городской культуре (Ахинжанов С.М., Ерзакович Л.Б. К вопросу о происхождении канов на Сырдарье//Известия АН.КазССР, сер.общественная, 1972, вып.2, с.64-69).

²⁸ Массон В.М. Исторические реконструкции в археологии. Фрунзе, 1990, с.37-39.

²⁹ Распопова В.И. Жилище Пянджикента. Л., 1990, с.161-162.

³⁰ Таиходжаев Ш.С. Самаркандский жилой дом IX-Xвв//ИМКУ, вып.13, Т., 1977, с.97.

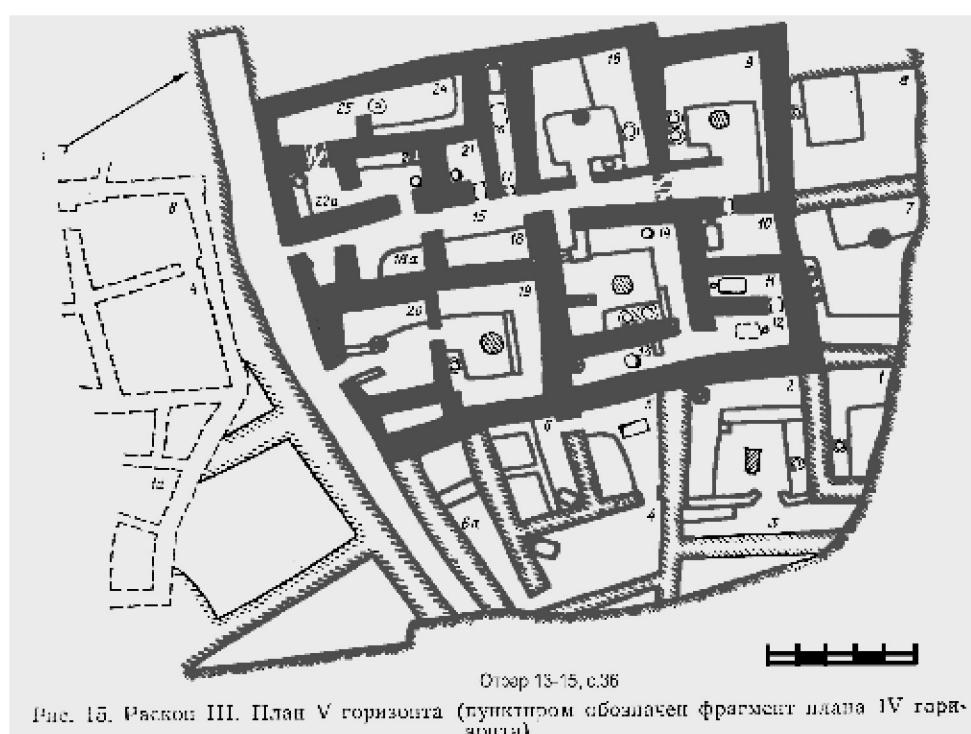

Рис. 15. Раскоп III. План V горизонта (пунктиром обозначен фрагмент плана IV горизонта)

Рис.4. Участок застройки Оттара по уровню XII-XIII вв.
(Раскоп III, СГ5, по: Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1987, рис.15).

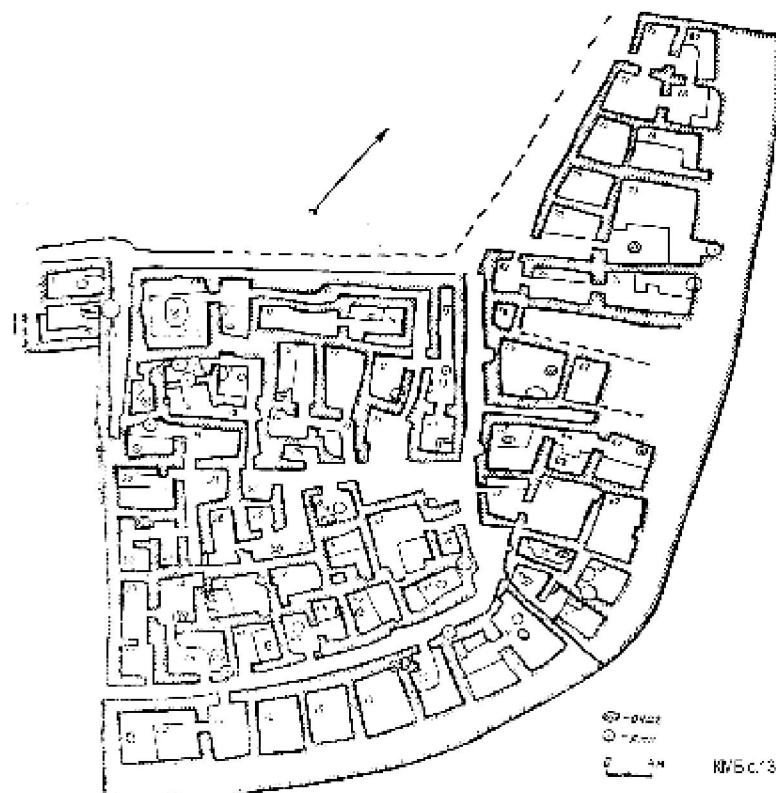

Рис.5. Участок застройки городища Куйруктобе по уровню XI-XII вв. (по: Байпаков, 1986, рис.53).

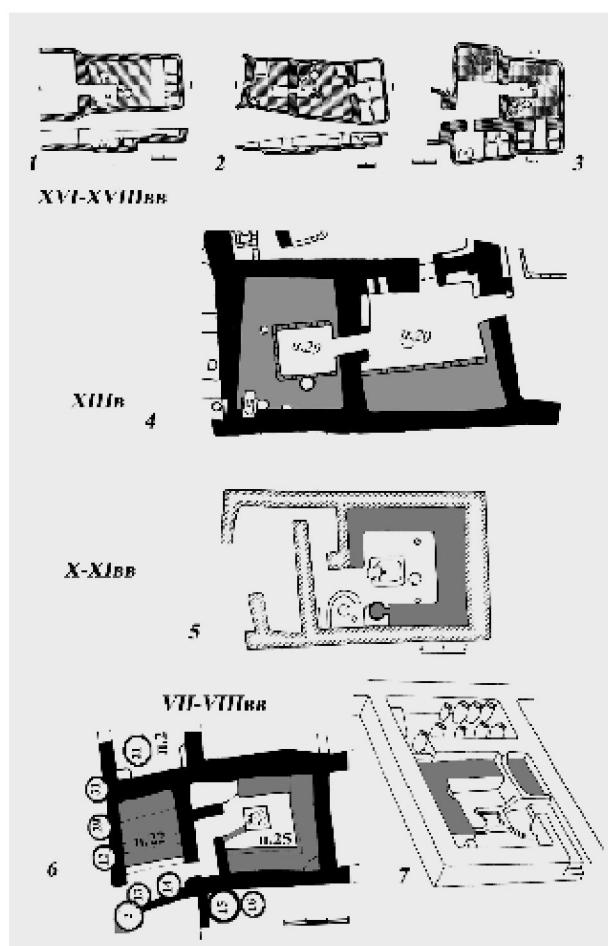

Рис.6. «Жилище оттарского типа» от VII в. по XVIII в.

1-3 – жилища Оттара XVI-XVIII вв;

4 – жилая ячейка сауранского дома XIII в.;

5 – жилище Куйрук-тобе, X-XI вв.;

6 – жилище Алтын-тобе, VII-VIII вв.;

7 – реконструкция жилища Коныр-тобе, VII-VIII вв.

не имеют ни поддувала, ни дымохода, и устанавливаются в отдельную тумбу внутри помещения. И только позже находят свое место, ставшее на многие века традиционным, в суфе «жилища оттарского типа», в качестве универсальной печи, в которой можно было и хлеб испечь, и другую пищу в котле приготовить и которая согревала жилую часть дома в холодный период. Атрибутами тандыров были массивные круглые керамические крышки с грибовидной ручкой в центре и керамические декоративные плиты, которые вмазывались в борт суфы и оформляли устья поддувала, а потом и топок. Внешняя поверхность таких кры-

шек зачастую инкрустировалась маленькими фрагментами стенок глазурованных сосудов, преимущественно синего или бирюзового цвета, расположение которых образовывало элементарные орнаментальные фигуры (рис.8).

Небольшая исследованная площадь жилой застройки XIII в. на Оттаре ограничивает источниковедческую базу по жилищу этого важного исторического периода. Но эту хронологическую лакуну заполняет застройка, вскрытая нами на Древнем Сауране (городище Каратобе)³¹. Установлено, что во время ВСГ (конец XII-XIII вв), и, тем более, в период СГ2 (XII в) планировка этой части города представляла собой типичную плотную городскую застройку, состоящую из **жилых массивов** пристроенных вплотную **жилищ** разделенных узкими улочками. Жилые массивы состояли из **домов** (**жилищ**) горожан различных социальных категорий. Большие дома, состоящие из целого комплекса помещений («жилые блоки»), зачастую имеют в своем составе **жилые секции**, состоящие, в свою очередь, из основного **жилого помещения** с суфой и тандыром и служебными помещениями (коридор, кладовка и пр.). Выявляются **жилища** (**дома**) более представительные и дома бедноты. Основными показателями (признаками) для такой градации принято считать площадь занимаемую жилищем, тщательность отделки интерьеров, наличие/отсутствие декоративных элементов и особых элементов благоустройства. Традиционно площадь жилища считается наиболее объективным и универсальным показателем³². Наличие второго строительного периода на некоторых участках ВСГ, в ходе перестроек которого несколько исказилась первоначальная планировка домов, затрудняет понимание плана жилых комплексов, но, тем не менее, отдельные дома реконструируются довольно надежно. Установлено, что западный массив Р1 имеет в середине одно большое домовладение или жилой блок. Площадь этого дома составляет около 600 м². В его состав входит не менее девяти помещений, два из которых являются жилыми зимними секциями (пом. №25, 29). Вход в жилище, в виде довольно длинного коридора между стен маленьких домиков вел из узкой внутридворовой (?) улочки (рис.7).

³¹ Смагулов Е.А., Столярова Н.П. Городище Каратобе - древний Сауран// Материалы международной научно-практической конференции «Древний Тараз и тюркская цивилизация». Тараз, 2007г., 22-24 октября. С.105-108; Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Исследования Древнего Саурана// Известия НАН РК, сер.общ.наук, 1, 2009, с.236-257.

³² Беленицкий А.М., Распопова В.И., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с.253; Распопова В.И. Жилище Пянджикента. Л., 1990, с.7.

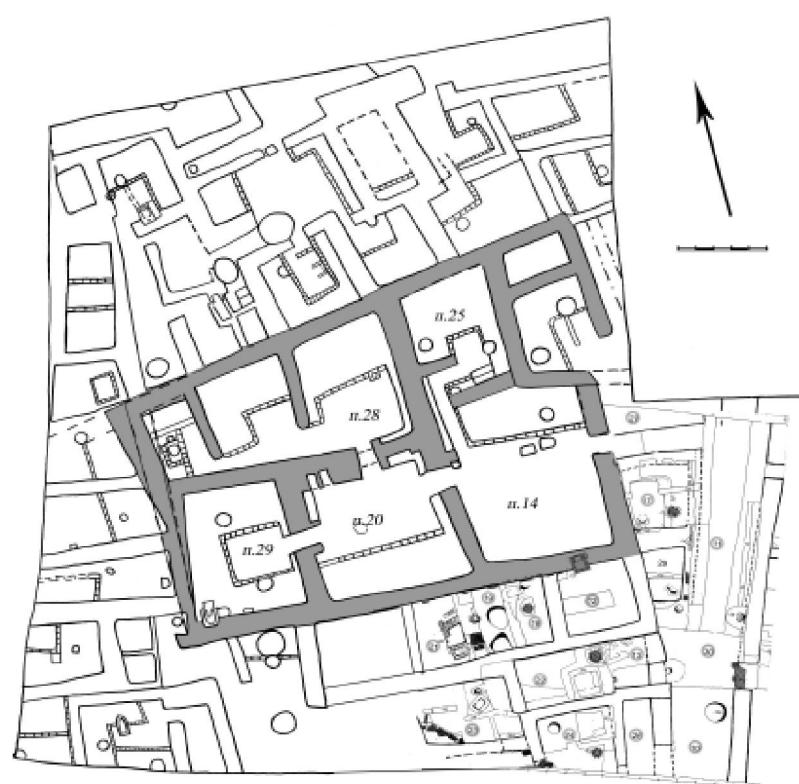

Рис.7. Жилище зажиточного горожанина XIII в. в застройке Кара-тобе (Древний Сауран).

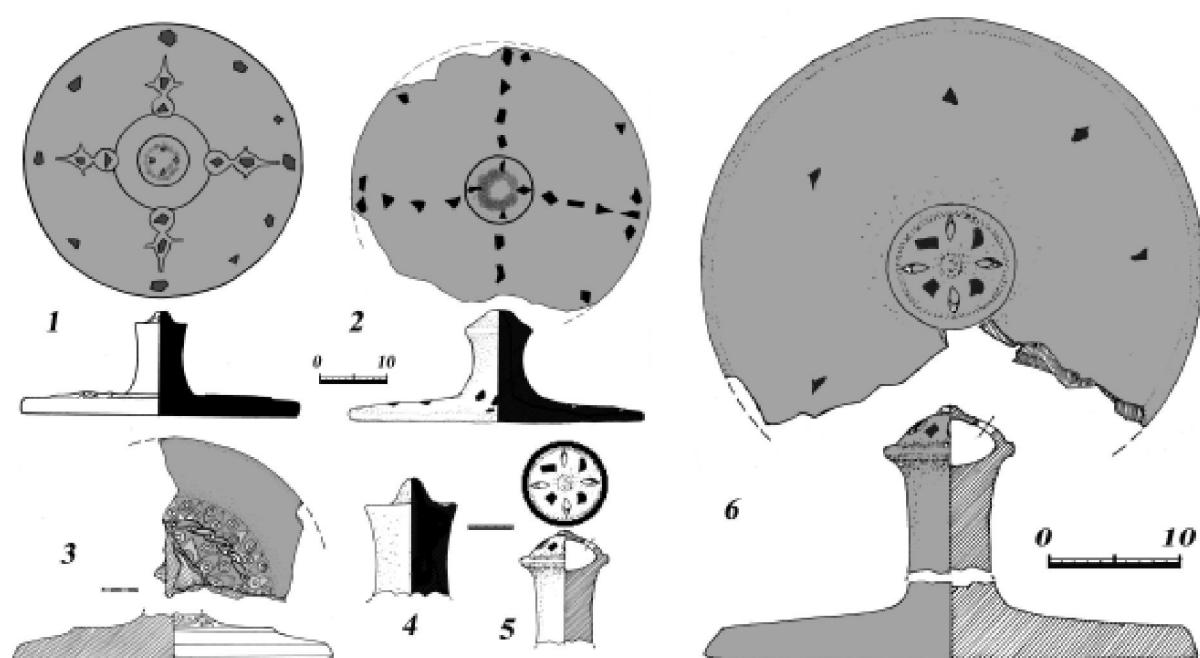

Рис.8. Крышки сауранских тандыров инкрустированные фрагментами глазурованных сосудов.

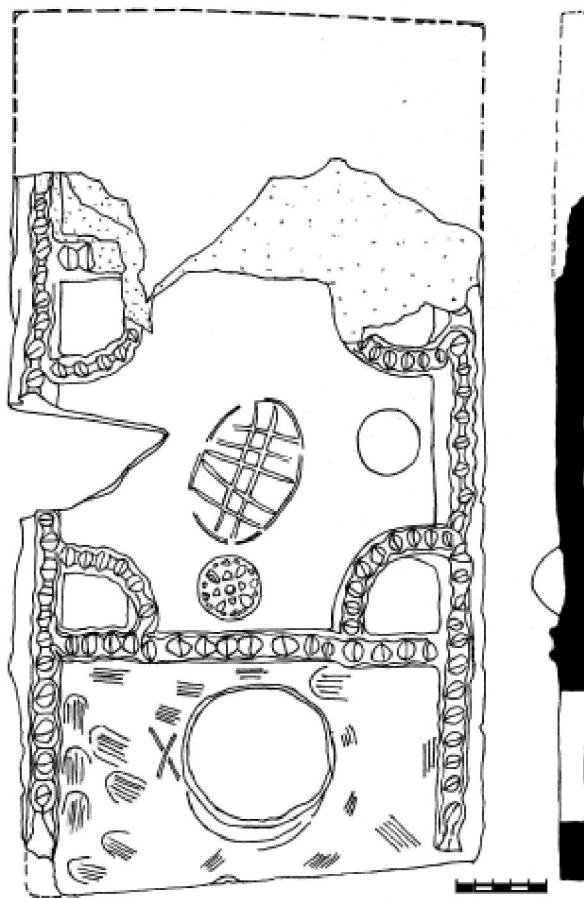

Рис.9. Керамическая плитка, оформлявшая отверстие поддувала тандыра в пом.29 дома сауренского жажиточного горожанина.

Все помещения дома связываются посредством двух довольно обширных квадратных в плане и последовательно соединенных «вестибюлей»-прихожих (№14,20). Из первого попадали в расположеннное справа жилое помещение (№ 25) с двумя разновременными тандырами и на лево в квадратное помещение с камином (№ 12). В него проходили через небольшую прихожую (№18), из которой вход влево вел в эту, как можно предполагать – «мехманхану» (гостевую комнату, парадную), а на право, в помещение с туалетом (№19). Камин в мехманхане с белой ганчевой облицовкой установлен на большой суфе, занимавшей почти всю его площадь.

Перекрытие передней прихожей (№14) опиралось на две колонны (на полу зафиксированы два плоских камня, служивших основанием деревянных опор). Далее из переднего «вестибюля», большую часть которого занимала суфа, попадали во внутренние покоя дома. Их составляли

пять помещений (№20,28,29,30,31), центральным являлся второй вестибюль (пом.№20). Всю его левую сторону занимала высокая суфа, рядом с которой, в центре пола, зачищен плоский массивный камень, служивший опорой колонны на которую опиралась балка перекрытия. Вдоль правой от входа стены устроена стенка с глубокими нишами; в средней нише был сделан дверной проем в северную анфиладу помещений (№28,30,31). Возможно, более плоские ниши были и в остальных стенах этого помещения (?). Все стены и прочие конструкции дома были покрыты многослойной тонкодисперсной штукатуркой. На нижней панели стены с глубокими нишами на первоначальных слоях штукатурки фиксируются следы резных узоров. В последний период существования дома резной узор покрывал верхнюю подпотолочную панель в виде резного эпиграфического фриза. Несколько крупных кусков штукатурки от этой панели были обнаружены в завале на полу помещения.

Дверной проем в середине стены противоположной входу в вестибюль №20 вел в основное жилое помещение дома (№29). Почти всю его площадь, занимала высокая (60-65см) суфа оставляя лишь небольшой участок пола перед входом. (рис.10) Слева от входа в суфе был устроен большой тандыр с круглым отверстием поддувала. Специального дымохода у тандыра не было, так же как у всех других тандыров расчищенных в этом строительном горизонте. Участок стенки суфы, в который выходило поддувала тандыра, был оформлен вмазанной в неё декоративной керамической «тандырной плитой» (рис.9). В левом дальнем углу помещения, на суфе, в стене устроен небольшой камин, а в суфе напротив входа расчищены два больших горшка вкопанных по венчик и заполненных золой и углеми. Горшки явно были вкопаны в суфу уже треснувшими, с частично отбитыми венчиками, и служили как емкости обогревательного устройства «типа сандал». На полу или суфе в этом помещении не отмечено обычного плоского камня опоры перекрытия, поэтому здесь, учитывая большие размеры помещения, можно предполагать перекрытие «типа рузан». Площадка пола перед дверным проемом была частично вымощена обломками крупных керамических сосудов. В центре была вкопана хумча без дна, но как перекрывалось это ташна, осталось не ясным.

Дверной проем в стене с нишами из вестибюля вел в северную анфиладу из трех помещений

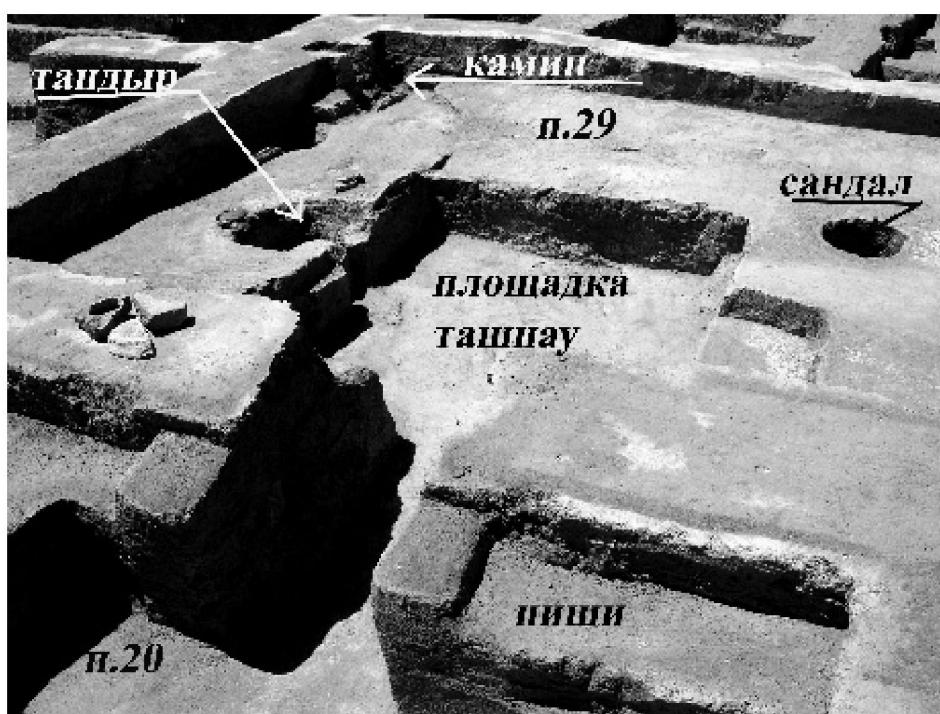

Рис. 10. Главное жилое помещение (№29) в доме зажиточного горожанина.

(№ 28, 30, 31). Они соединялись сквозным проходом вдоль южной стены этих помещений, являвшейся внутренней стеной всего жилища. В двух из них (№ 28, 30), вдоль северных стен устроены высокие и широкие суфы. В пом. № 28, у края суфы, зафиксированы два плоских камня, служивших, очевидно, основанием опор перекрытия. На поверхности многочисленных обмазок покрывавших суфы отмечены следы слабых прокалов, возможно, от переносных обогревателей в виде жаровен. Очевидно, что эти помещения являлись дополнительными спальными комнатами для членов семьи. Самое дальнее и сравнительно небольшое помещение № 31 служило кладовой. Здесь расчищен развал большого хума, а вдоль западной стены – лари-закрома, в одном из них была вкопана под уровень пола хумча.

Таким образом, перед нами дом большой и довольно зажиточной патриархальной семьи, состоящей из двух малых, но ведущих общее хозяйство. От всех прочих раскопанных на Каратабе жилищ его отличает большая площадь, наличие дополнительных спальных помещений, наличие декоративных деталей, тщательность отделки и общая благоустроенность.

Главными жилыми помещениями дома являются помещения № 29 и 25, которые отличают-

ся наличием П-образных суф и тандыров в них. Большее помещение № 29 принадлежало главе дома, а в меньшем (№ 25), вероятно, размещалась семья взрослого сына.

Сразу же следует отметить, что общий облик и интерьеры жилых помещений сауранских домов ВСГ значительно ближе к домам Отара СГ4 (XIVв), чем к домам СГ5 (XII-XIIIвв). Из признаков отличающих дома Отара СГ4 от домов СГ5 авторы отмечали: расширение площади суфы в основном жилом помещении, исчезновение керамических ванночек-«тазаров»...³³ Сюда же надо добавить, как существенный, момент, исчезновение керамических алтарей в центре помещения; преобразуются тандыры: у них вместо маленьких отверстий-поддувал в нижней части, появляются широкие топки, в виде арочного проема (в наиболее благоустроенных домах топки оформляются специальными керамическими плитками или просто лепными по штукатурке деталями), и дымоходы, проложенные горизонтальными отрезками в суфе и выходящие вертикальным колодцем, обычно, в ближайшей стене; перед тандыром под полом стали устраивать «ташнау», чего не было раньше, в виде поглотительной ямы перекрытой обожженным кирпичом со специальным отверстием. Тем са-

³³ Акишев К.А. Байтаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрап XIII-XV вв., с.20.

Рис.11. Тандыр с крышкой и заглушкой в отверстии поддувала. (Каратобе, 2007, Р3).

мым завершается процесс преобразования тандыра в универсальную печь.

При этом жилища Отара и Саурана XIIIв. имеют явные отличия от жилищ других среднеазиатских городов. Так, например, хронологически близкие жилища изучались в застройке города Ахсикент (Фергана). Вскрытый участок включал около полутора десятков домов анфиладной планировки. В их структуре отмечено наличие открытых или полуоткрытых двориков и отдельных небольших санитарно-гигиенических помещений. Дома, состоящие из 2-7 помещений интерпретированы как относящиеся к рядовому ремесленному населению города и по комплексу данных (стратиграфия, керамика, монеты) датированы XI-XIVвв. По имеющемуся описанию можно сделать вывод, что в отличие от хронологически близких домов Отара и чуть более поздних домов Саурана, в интерьерах ахсикентских домов отсут-

ствуют тандыры и «П,Г»-образные суфы в оформлении центрального жилого помещения, зато имеются отопительные устройства типа «сандал» и открытые очаги. Нет здесь и керамических алтариков, керамических ванночек-тазаров. В ферганском Карабулаке при всей широкомасштабности вскрытия слоев «караханидского периода» отмечено лишь два тандыра без топок³⁴. В описании жилищ Самарканда караханидского периода нет сведений о суфах в помещениях, но есть тандыры. Ташнау в Самарканде появляются в IXв – это «явление связанное с новой религией»³⁵.

В целом происходят весьма существенные преобразования в деталях интерьера, и в общем облике южноказахстанского дома, что, естественно, свидетельствует о кардинальных изменениях в бытовой культуре населения. Следует присоединиться к ранее сформулированному Ерзаковича Л.Б., что в конце XIII- начале

³⁴ Брыкина Г.А. Карабулак. М., 1974, с.41.

³⁵ Таиходжаев Ш.С. Самаркандский жилой дом IX-XIVв//ИМКУ, вып.13, Ташкент, 1977, с.99.

XIV вв завершается процесс формирования «отрарского типа жилища»³⁶.

Интересно отметить, что в застройке синхронных поволжских городов Золотой Орды исследователями выявлены жилища «монгольской традиции», имевших ряд аналогичных с «отрарскими жилищами» деталей³⁷. По определению Э.Д. Зилибинской, «все они имеют только одну комнату и сходное внутреннее оформление: вдоль стен устроена Г-образная или П-образная суфа, в одну из сторон которой встроен горизонтальный дымоход – кан, который отапливается печью или тандыром. Площадь пола в помещении обычно меньше площади суфы; пол глинобитный или же выложенный жженым кирпичом. В полу часто делали сливную яму для умывальника – тошнау».

Таким образом, в архитектурном плане эти дома совершенно единообразны и отличительной чертой их является не только квадратная (или близкая к квадрату) в плане форма, но и наличие всего одного жилого помещения. Группы, выделенные внутри этого типа, отличаются лишь по строительному материалу и, соответственно по технике строительства»³⁸. Этот тип жилища сформировался, надо полагать, еще в «дозолотоордынское» время как преобразование в стационарную форму кочевого сборно-разборного жилища – юрты, и был свойственен традиционной культуре монгольских «кочевников».

Отметим, что кардинальное расширение площади суфы, произошедшее в XII- XIII вв, по нашему мнению, напрямую связано с исчезновением из интерьера домов напольных глиняных очагов-алтарей, занимавших до этого всю центральную часть пола помещения, при этом естественно вдоль стен могли разместиться лишь узкие (0,5-1,2 м) суфы. Теперь же края суф выд-

вигаются к двери и образуют перед ней «площадку ташнау». Это явление можно связать с усилением процесса исламизации местного городского населения, следствием чего стало исчезновение из центра основных жилых помещений очагов-алтарей имевших явно языческий культовый характер. Высота суф стандартизируется (45-60 см), поскольку теперь в них размещаются керамические, отдельно изготовленные по определенным стандартам, тандыры, служившие печью универсального назначения. В тандыре можно было печь хлебные лепешки, на него можно было ставить казан. Жар тандыра согревал окружающую его суфу, которая продолжительное время, надо полагать, сохраняла и равномерно отдавала тепло. В это же время исчезают из интерьеров жилых помещений алтарные подиумы у стен, и, вероятно, культовые ниши алтарей над ними. Или же они преобразуются в декоративные ниши, служившие для размещения престижных атрибутов, посуды и пр. Причем эти преобразования не выглядят как распространение сложившегося где-то и привнесенного типа жилища, а более похоже на результат естественных эволюционных изменений, вследствие накопления и модернизации отдельных элементов. Т.е. мы можем говорить о вполне местном автохтонном явлении – «отрарский тип жилища» начиная как минимум со второй половины XIIIв. Представляется вполне естественным, что завершение формирования «отрарского жилища» происходит в период, последовавший за монгольским завоеванием края. Можно предположить, что в этот период в регионе происходят существенные преобразования в этническом составе населения, повлекшие и изменения в материальной культуре. Благодаря не дальновидной политике хорез-

³⁶ Ерзакович Л.Б. Жилище Оттара и некоторые этнокультурные и хозяйственные процессы на юге Казахстана в XIII-XVIII вв// Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983, с. 91; Ерзакович Л.Б. Жилище позднесредневекового Оттара как источник для реконструкции этнокультурных процессов на юге Казахстана// Средневековые города Южного Казахстана. Алма-Ата, 1986, с. 43; см. так же: Егорова Н.П. Жилые дома Оттара XVI-XVIII вв// Национальное своеобразие зодчества народов СССР. М., 1979, с. 92; Однако мы не можем согласиться с мнением Л.Б. Ерзаковича о том, что тип позднесредневекового жилища Оттара сложился в XIVв путем переноса «очажной ямы» от дальней стены дома к входу. Оно основано на не всегда показательном материале поздних оттарских слоев, где зачастую представлены остатки жилищ после многочисленных перестроек, последовательность которых не всегда удавалось адекватно реконструировать (Ерзакович Л.Б. Жилище Оттара и некоторые этнокультурные и хозяйственные процессы на юге Казахстана в XIII-XVIII вв// Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983, с. 83). К тому же такое представление противоречит логике развития оттарского типа жилища в караханидское и раннесредневековое время.

³⁷ Егоров В.Л. Жилища Нового Сарайа// Поволжье в средние века. М., 1970, с. 172-193; Мухамадиев А.Г. Раскопки двойного дома на Водянском городище в 1970 г.// Города Поволжья в средние века. М., 1974, с. 80-88; Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Гусева Т.В. Исследование трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарайа (Царевского городища)// Города Поволжья в средние века. М., 1974, с. 89-131.

³⁸ Зилибинская Э.Д. Усадебные дома в городах Золотой Орды// Этнокультурное взаимодействие в Евразии. М., 2006. Кн. 1, с. 364.

мшахских управленцев Оттар подвергся сильнейшим разрушениям и, хотя быстро возродился как город, но так и не достиг прежнего уровня развития, а облик материальной культуры города существенно отличался от прежнего. Но при этом имеющиеся археологические материалы свидетельствуют, что истоки позднего оттарского жилища лежат в более ранних исторических пластиах.

Жилище раннесредневековой эпохи. Обобщая материалы по жилищу Оттарского оазиса VI-X вв, где вскрыты достаточно широкие площади застройки таких городищ как Кок-Мардан, Куйрук-тобе, Коныр-тобе, Алтын-тобе, можно реконструировать развитие единого типа жилища с различными вариантами. Аналогичные по основным типообразующим признакам жилища распространены и в Туркестанском оазисе (Сидак, Карабобе, Шойтобе). Отметим, прежде всего, что жилище отдельной малой семьи в условиях плотной застройки поселения внутри стен, состояло из одного-двух-трех помещений связанных между собой дверными проходами. Т.е. и тут мы видим ту же жилую ячейку/секцию являющуюся «эмбрионом» формирования разнообразных планировочных вариантов жилищ. Центральным и зачастую единственным помещением было жилое «помещение с суфами». Есть все основания полагать, что это помещение являлось главным жилым и путем присоединения к нему дополнительных «служебных» комнат происходило варьирование этого типа жилища. Наличие дополнительных помещений, за счет которых увеличивалась общая площадь жилища, может служить показателем состоятельности и социального статуса хозяина. Появление дополнительных комнат происходило не обязательно путем «сегментации из первоначального помещения» (что должно было вести к сокращению площади жилого («первоначального») помещения), а, скорее, путем присоединения дополнительной селитебной площади внутри жилого массива (квартала). При этом, на наш взгляд, появлялся не новый тип жилища, а варианты внутри единого типа³⁹.

Что же представляло собой центральное («основное») жилое помещение в раннесредневековом присырдаринском доме? Это было достаточно просторное подквадратное помещение пло-

щадью примерно 18-32м². Вход в него вел прямо с улочки или же из подсобного помещения-прихожей. Дверной проем устраивался в углу помещения, вдоль одной из продольных стен («скользящий проход») или в середине фасадной стены. Перед входом примерно в 0,9-1,1м от стены ставилась стенка-«экран», закрывавшая от входящего внутреннее пространство помещения. Обогнув ее, посетитель, оказывался в жилом пространстве, перед открытым напольным очагом, в котором, надо полагать, всегда тлел огонь. Очаг представлял собой слегка приподнятую над полом огороженную глиняным валиком площадку около 1м², в центре которой была круглая лунка (вариант: вмазанный в дно небольшой керамический сосуд). У короткой стороны очага обычно имеется пара симметричных глиняных конусовидных выступа.

Вдоль 2-3-х стен помещения устраиваются суфы-лежанки. На ранней стадии (IV-VI вв) они были довольно узкими (около 0,8-1,0м) и не высокими (15-30 см). Со временем намечается тенденция их увеличения, как по высоте, так и по ширине. В одном из углов, чаще у лицевой стены, суфа отсутствовала, но здесь в тщательно обмазанном полу фиксируются развалы керамики, лунки для установки сосудов (?), зернотерки, т.е., можно предположить здесь кухонно-хозяйственный отсек. Помимо напольного очага в одной из стен устраивался простейший очаг-камин, в виде полукруглой выемки в стене с отгороженным глиняным бортиком узким участком перед каминной нишей для золы. Подобные каминны обычно устраиваются на суфе, иногда же суфа в этом месте стены отсутствует. В таких каминах зачастую находятся обломки плоских керамических сковород-жаровен. Там же на суфе иногда устраиваются, в виде полукруглого, сегментовидного или подпрямоугольного возвышения, алтарные подиумы. При хорошей сохранности высоты стен удается установить наличие в стене алтарной ниши с арочным верхом. Иногда фиксируются глиняные валики, по контуру ниши, с какими-то отростками, венчающие или как бы «вырастающие» из ниши⁴⁰.

В том случае, если в жилище есть дополнительное помещение-кладовка, то она расположе-

³⁹ Обобщая данные по раннему жилищу оттарского оазиса К.М.Байпаков выделяет до трех типов домов (Байпаков К.М. Гордище Куйрыктобе - город Кедер. Алматы, 2005, с.52-53). Подобные «типологии» есть следствие не проработанности адекватной системы признаков для классификационных процедур, и не унифицированности терминологии, т.е. круга теоретических вопросов, достойных специального рассмотрения.

⁴⁰ Смагулов Е.А. Новые данные к реконструкции комплекса культовых атрибутов.., с.27-28.

на за задней стеной жилого помещения (в глубине жилища). В нее ведет так же «скользящий» проход вдоль продольной стены. В этом месте суха вдоль задней стены прерывается; иногда же вход в кладовку сделан прямо с сухой. Кладовка - это обычно узкое помещение вдоль всей стены жилого помещения. Часть ее занята сухой, в нее были вкопаны один-два хума, развали тарных сосудов фиксируются вдоль стен (рис.6: 5,6).

Как показывают исследования раннесредневековых памятников в Отарском оазисе жилища этого типа распространены на наиболее раннем этапе, или в «Кокмардановском комплексе» VI-пер.пол.VIIIвв.⁴¹. Уже на этой стадии жилища являются собой вполне развитый и устойчивый тип, адаптированный к местным климатическим условиям, с устоявшимся набором элементов благоустройства, приспособленный к плотной застройке огражденной стенами территории.

Таковой представляется «модель» типичного дома населения средней Сырдарьи (Ташкентский, Отарский, Туркестанский оазисы, бассейн Арыси) в раннесредневековую эпоху (IV-VIIIвв.). Признано, что этот тип жилища «традиционен» для данного региона (наиболее ранние датируются примерно с III в.н.э.) и обнаруживает устойчивые синхронные и типологические связи, прежде всего, со всем присырдарьинским регионом (от низовьев до Ферганы)⁴². Нетрудно заметить, что планировка его является прототипом планировки «жилой ячейки» позднего «жилища отарского типа» (рис.6). В последующем развитие этого типа организации внутреннего жилого пространства идет по пути расширения и увеличения в высоту сух, появления в интерьере жилого помещения тандыров (устройство которых существенно эволюционирует в период IX-XIIIвв.), при расширении размеров самого жилого помещения, в его центре появляется опорная колонна, поддерживающая кровлю... В ходе развития и постепенного отхода от архетипа, такой тип жилого помещения становится прототипом культовых помещений («святилищ», «капелл»). В них консервируются наиболее типические черты –периметральные сухи, дополнительная изоляция дверного проема от интерьера, алтарь-очаг

в центре, шатровое перекрытие со свето-дымовым отверстием в центре пирамидальной (конусообразной?) крыши и пр. Такие культовые помещения характерны для раннесредневековых жилых комплексов Средней Азии, в которых по определению Гуревича Л. они выполняли определенную социально-культурную функцию «воспроизводить традиционный образ жизни предков»⁴³ и тем самым осуществлять необходимую для всякого социума «связь времен», приобщения к духовным истокам народных традиций.

В следующем по времени «Куйруктобинском археологическом комплексе» VII-IXвв. продолжает существовать и развиваться прежний тип дома с одним основным жилым помещением с сухами по периметру и подсобной кладовой⁴⁴. (рис.6:4). Как показали исследования Куйруктобе этот тип жилища стал достаточно интенсивно трансформироваться лишь со второй пол. XIв, когда в интерьере домов широко распространились тандыры, появились «ташнау», исчезли напольные «очаги-алтари», сухи стали занимать значительно большее место в жилом помещении. При сохранении традиционной связки «жилое помещение+кладовка» стали появляться планировки, которые объединяли в явно одном комплексе помещений связанных проходами через общий коридор или вестибюль (т.е. «в доме», «под одной крышей», «в жилом блоке»), две и три такие жилые ячейки. В домах городской элиты появляются дополнительные помещения-спальни, отдельные помещения-«мехмонхана», небольшие комнатки «даретхана» и т.д. При этом возникают различного вида планировки, которые были обусловлены, прежде всего, теснотой земельного участка и необходимостью «вписать» жилище в сложившуюся застройку жилого массива. Их обычно описывают как «крестовидные», «коридорные» и пр. планировки.

Т.е. имеющиеся материалы свидетельствуют, что в период IV-XIIвв в Отарском и соседних оазисах существовал и развивался единый тип жилища. С IX-Xвв. в этом типе жилища на селективной основе накапливаются новые признаки, т.е. детали интерьера свидетельствующие о некоторых преобразованиях в бытовой культуре. Эти новации укладываются в бы-

⁴¹ Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана .., с.42.

⁴² Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана..., с.85, 86.

⁴³ Гуревич Л.В. К интерпретации пенджикентских «капелл»// Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. Древность и средневековье. М., 1990, с.85.

⁴⁴ Характеристика жилища в «куйруктобинском комплексе» почему-то отсутствует (Байпаков К.М. Средневековая городская культура .., с.48-52), но она имеется в других публикациях (напр.: Байпаков К.М. Городище Куйрук-тобе – город Кедер. Алматы. 2005, с.46-47).

товые предписания ислама и можно считать, что на окончание формирования позднесредневекового жилища «оттарского типа» оказало влияние завершение процесса реальной исламизации местного городского населения. Массовое распространение новой формы жилища среди рядового городского населения происходило в условиях консолидации новых черт в городской культуре в новых этнокультурных условиях, возникших как следствие монгольского завоевания.

Происхождение и распространение. Поскольку слои первых веков до и нашей эры в Оттарском и соседних оазисах изучены очень слабо, мы не имеем представления об облике жилищ этого периода, не имеем надежных данных о времени появления оседлой культуры в регионе вообще. Т.е. остаются не ясными, наряду с другими, вопросы появления в регионе оседлого типа жилища и его происхождения. Эти два взаимосвязанных вопроса, на наш взгляд, следует разделить в целях адекватного анализа и привлечь материалы соседних регионов.

В центральном жилом помещении жилища раннесредневекового Чача, Тохаристана и Согда, основной деталью интерьера является «П-образная» суфа и очаг-алтарь в центре помещения. Такая же планировка консервируется в устройстве интерьеров святилищ⁴⁵. Интересно отметить, что поиски генетических аналогий такой планировке святилищ в культурах древнеземледельческого типа не увенчались до сих пор успехом. Единственno Л.Гуревичу принадлежит интересное наблюдение, связывающее подобные планировки в раннесредневековых жилищах Согда с жилищами джетыасарской культуры низовьев Сырдарьи: «В итоге краткого обзора квадратных помещений с алтарами можно сказать, что этот архитектурный тип сложился в русле градостроительной традиции восточноиранских народов Средней Азии, памятникам которой свойственна и центральная симметрия, и статичность композиции. Истоком типа, возможно, является форма архаических жилищ обитателей Приаралья. Устанавливается, что деревянное перекрытие раннесредневековых по-

мещений этого типа имело форму усеченного шатра, огонь на алтаре поддерживался в замкнутом помещении, без дымохода, несмотря на присутствие в некоторых случаях настенной сюжетной росписи. В помещениях происходили торжественные трапезы с возлияниями, возможно связанные с семейной обрядностью. Остатки костей в определенном месте указывают и на характер жертвоприношений»⁴⁶ (подчеркнуто мной - С.Е.А.). И в другом месте относительно аналогий планировке с «П-образной суфой» в застройке Зар-тепе кушанского периода им отмечено, что «ближайший прототип помещения находится среди памятников дельты Сырдарьи. Это помещения жилых домов Джеты-Асар 12, функционировавших в первых веках нашей эры и прекративших существование «несколько позднее, чем Джеты-Асар 2», т.е. по-видимому, в III—IV вв. н. э. Каждая из жилых секций включает близкое к квадрату помещение с трехсторонней суфой, тамбурными выгородками и разными очагами, среди которых выделяют расположенный недалеко от входа обязательный овальный очаг с рогатыми кирпичами. По-видимому, квадратное помещение было в доме главным, выполнявшим утилитарные и символические функции»⁴⁷.

Изучение культурных преобразований в Средней Азии в период поздней античности и в начале раннего средневековья, по мнению специалистов, показывает, что, здесь произошло кардинальное изменение форм материальной культуры, и, прежде всего, изменился характер, такого важного этнокультурного показателя как жилище. Стало «общим местом», по Вайнберг Б.И.⁴⁸, связывать распространение этих инноваций с продвижением на рубеже IV-V вв «джетыасарцев» вверх по Сырдарье, что дало импульс смещению «каунчинцев» во внутренние оазисы Средней Азии. Л.М.Левина датирует время массового распространения джетыасарских керамических форм вверх по Сырдарье, на территорию среднесырдаринских культур, концом III-нач. IV вв. Причем эта инвазия культурных признаков столь существенна, что значительно из-

⁴⁵ Филанович М.И. К типологии святилищ огня Согда и Чача//Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Ташкент, 1987, с.148-156; Богомолов Г.И., Буряков Ю.Ф. Культовые помещения при жилых домах с городища Канка//ИМКУ, вып.21, Т., 1987, с.76-88; Ахунбабаев Х.Г. Домашние храмы раннесредневекового Самарканда//Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Ташкент, 1987; Гуревич Л.В. К интерпретации пенджикентских «капели»// Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. Древность и средневековье. М., 1990, с.67-87; Шкода В.Г. Пенджикентские храмы и проблемы религии Согда (V-VIII вв). СПб., 2009.

⁴⁶ Гуревич Л.В. К интерпретации пенджикентских «капели».., с.78.

⁴⁷ Гуревич Л.В. К интерпретации пенджикентских «капели».., с.73.

⁴⁸ Вайнберг Б.И. Этногеография Турана в древности. М., с.255.

меняет облик самих культур, и дальнейшее их развитие характеризуется уже как следующий, третий, этап, со своим характерным комплексом признаков⁴⁹. С этой инвазией, в частности, связывается распространение погребальных сооружений в виде наземных склепов в Фергане⁵⁰. А так же отразилось, по аргументированному мнению Р.Х.Сулейманова, в формировании СГШ городского храма городища Еркурган, и в целом облика культуры этого периода в Нахшебе (Южный Согд). Здесь выявлено примыкающее с запада к храму монументальное здание (20x20м по периметру интерьера) в планировке которого отразились инновации «джетыасарской архитектурно-строительной традиции»⁵¹. Автор сопоставляет его планировку с планировкой интерьеров джетыасарских наземных погребальных склепов (тип 3) во множестве исследованных Л.М.Левиной на высоких руслах Сырдарьи⁵². С этой же инвазией носителей присырдаринских культур во внутренние оазисы Средней Азии связывает Р.Х.Сулейманов формирование архитектурного облика раннесредневековых замков и распространение крестовидных в плане культовых сооружений⁵³.

Надо полагать, что это движение осуществлялось по давно проторенным путям, и в среде генетически родственных племен и общин. Присутствие в более раннее время на средней Сырдарье населения «сарматского круга» четко документируется стратиграфией городища Шаштобе (Ташкентский оазис), где могильник «пришельцев из северо-запада – из Приуралья и Приаралья» размещается на развалинах бурглюкского поселения, а этот горизонт перекрывается монументальной постройкой культуры Каунчи⁵⁴. В это же время здесь наблюдаются процессы активного заселения всех ирригационных

районов, появление множества новых поселений и их систем, т.е. это явление можно охарактеризовать как «урбанистический взрыв»⁵⁵.

Надо полагать, что аналогичные последствия имела эта миграция и в других регионах средней Сырдарьи. На базе местных гидроресурсов закладывалась основа последующей оазисной системы расселения, и складывалась своеобразная оседлая культура, имевшая для многих компонентов прототипы именно в джетыасарском уроцище этапа 1б (по Л.М.Левиной⁵⁶). Е.Е.Неразик вполне обоснованно обратила на это особое внимание. Она подчеркивает, что в Средней Азии в это время изменился облик жилищ, распространились большие дома-массивы с центральным коридором или двором и многими жилыми и хозяйственными помещениями, подведенными под общую кровлю. Если в Согде, Чаче, Фергане в VI-III вв до н.э. были традиционны жилища «земляночного типа»⁵⁷, то со II в. до н.э. распространяются наземные дома в которых «интерьер жилых помещений ... так же, как и в Хорезме, был организован, прежде всего, П-образной или Г-образной супой, не характерной ранее для жилищ этих областей... Интерьер жилых комнат стал иным: вдоль трех или четырех стен тянулась кирпичные супы, посередине помещался открытый очаг-кострище, на одной из суп устраивался тандыровидный очаг»⁵⁸. Действительно, отмеченные детали интерьера жилых помещений не известны в городских жилищах античной periodo Средней Азии. В то же время они характерны для жилищ самых ранних слоев городищ низовьев Сырдарьи (джетыасарская культура). Здесь сильно укрепленные крепости застраивались «жилыми секциями», характерными признаками которых было наличие в центре на полу

⁴⁹ Левина Л.М. Среднеазиатские связи джетыасарской культуры в первой половине тысячелетия н.э.//Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981, с.174.

⁵⁰ Матбабаев Б.Х. К вопросу изучения подземных склепов и погребений в камышовых гробах Ферганы//ИМКУ, вып.29, Самарканд, 1998, с.71.

⁵¹ Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб. Проблемы цивилизации Узбекистана VIIв. до н.э.- VIIв.н.э. Самарканд-Ташкент, 2000, с.143.

⁵² Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. М., 1996.

⁵³ Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб., с.с.259, 265.

⁵⁴ Филанович М.И. К интерпретации погребений в нижнем горизонте Шаштепа а Ташкенте//ИМКУ, вып.25, Ташкент, 1991, с.77-87; Филанович М.И. К вопросу о путях движения ранних nomadov (Чач и Согд на пути кочевников в Бактрию)// Изучение культурного наследия Востока. Культурные традиции и преемственность в развитии древних культур и цивилизаций. Мат. Междунар.конфер. СПб., 1999, с.124-125.

⁵⁵ Буряков Ю.Ф. Анарбаев А.А., Матбабаев Б.Х. Раннесредневековый городской некрополь ферганцев//ИМКУ, вып.29, Самарканд, 1998, с.77.

⁵⁶ Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. М., 1996. с.

⁵⁷ Омельченко А.В. К вопросу о технике домостроительства Средней Азии в эллинистический период (по материалам поселений долины Каракадарьи)//ИМКУ, вып.34, Самарканд, 2004, с.62-68.

⁵⁸ Неразик Е.Е. Об этнических процессах в раннесредневековом и средневековом Хорезме//Материалы к этнической истории населения Средней Азии. Ташкент, 1986, с.37.

открытого типа очага-алтаря и невысоких суфлежанок по периметру стен. Жилище состояло из 2-3 помещений («жилая секция»), в котором центральное жилое помещение имело выше отмеченные признаки. Стоит привести подробную характеристику этих вариантов по Л.М.Левиной: «Основные, или главные, жилые помещения в каждой секции – всегда самые большие по площади, в центре имели открытый очаг, обычно в плане овальный или подпрямоугольный с закругленными углами, заглубленный ниже уровня пола, с глиняными бортиками, часто соединенными маленькими дугообразными глиняными же валиками с предвходовыми валикообразными краями суф, расположенных вдоль стены по обе стороны прохода. Совместно с такими же маленькими валиками, отделяющими торцевые части суф от прохода в помещение, упомянутые очаговые валики отделяли предвходовое пространство, получившее название «лоткового входа». В месте соединения этих валиков с бортиками очагов помещались симметрично по отношению друг к другу два усеченно-конической формы «рогатых кирпича» (или «очажные подставки»). Низкие и широкие суфы чаще всего строились вдоль двух противоположных стен и в центральной своей части перерезывались проходами. От проходов площадь суфы отделялась невысокой загородкой, изготовленной из поставленных на ребро сырцовых кирпичей, дополнительно обмазанных глиной, или на каркасе из дерева и прутьев, также обмазанных глиной. Суфы-лежанки в большинстве помещений джетыасарских городищ сооружались следующим образом: из поставленных на ребро сырцовых кирпичей делалось внешнее ограждение суфы, пространство между стеной помещения и кирпичным ограждением заполнялось кирпичным ломом с kostями животных и рыб, фрагментами керамики, а затем тщательно обмазывалось глиной.

Иногда на суфе (ширина их обычно 1-1,3 м, высота 10-20 см) помещался пристеночный очаг-камин с отражателем из поставленного на ребро кирпича. В основных жилых помещениях встречались и своеобразные спиралевидные в плане глиняные конструкции-подставки для зернотерок. Такие конструкции-подставки для зернотерок, как и специальные сосуды-зернохранилища, неоднок-

ратно отмечены в интерьере основного жилого помещения каждой секции. Жилыми трехкомнатными и двухкомнатными секциями с основным помещением с вышеописанным интерьером в периоды 1б и 1в застраивались вторые и третьи площадки городищ (раскоп V Бедаик-асара, раскопы VI, VII Томпак-асара). Стены секции ставились или на материковую поверхность или на культурный слой или забутовку больших помещений типа сараев.

Наряду с вышеописанной планировкой основного жилого помещения секции существовал и другой ее вариант. На городище Томпак-асар последний вариант составлял менее трети от числа раскопанных здесь секций. При втором варианте внутренней планировки основного жилого помещения секции проход в него располагался не в центре одной из стен, а в углу (так называемый «скользящий» проход), а предвходное пространство, своеобразный тамбур, отделялся от основной площади помещения высокой (1,5 м и более), узкой кирпичной стеночкой, длиной 1,5-2 м. Вдоль трех стен помещения П-образная суфа, более узкая и высокая, чем суфы в таких помещениях при планировке первого варианта. Здесь также в центре помещения располагался заглубленный ниже уровня пола открытый очаг, круглый в плане, с высокими бортиками, с пристроенной к очагу трапециевидной в плане площадкой, на которой поставлены две усеченно-конической формы «очажные подставки». При неоднократных перестройках основного жилого помещения внутри секций обычно менялись в первую очередь местоположение и размеры суф. Что касается центрального очага, то даже при капитальных перепланировках изменялась лишь ориентация длинной оси очага, но центр его оставался неизменным⁵⁹.

Возникнув в первых веках до н.э. эти варианты жилья без особых изменений просуществовали в основном регионе распространения Джетыасарской культуры вплоть до VIII-IXвв. Последний вариант, как отмечает Л.М.Левина, количественно менее представителен, но он, похоже, получил развитие в ранних жилищах средней Сырдарьи (в зонах распространения Оттарско-Каратаской и Каунчинской культур)⁶⁰, а позже и в раннесредневековых домах других оазисов Средней Азии.

⁵⁹ Левина Л.М. Этнокультурная история восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э.- I тысячелетие н.э. М., 1996, с.25-26, рис. 10, 29, 27-30, ил. 15-17, 35.

⁶⁰ Археологические исследования пока не выявили преемственной связи ранних этапов Каунчинской культуры с предшествующей ей Бургулукской культурой в части жилищного строительства (Буряков Ю.Ф. Археологические материалы к этнической истории бассейна Средней Сырдарьи в древности и средневековье// Материалы к этнической истории населения Средней Азии. Ташкент, 1986, с.50-67).

Происхождение такого типа жилищ в среднеазиатских оазисах принято связывать с заселением их выходцами из присырдарьинского региона, поскольку наиболее ранние слои (первые века до н.э.) с такого типа домами вскрыты на поселениях джетыасарской культуры в низовьях Сырдарьи. Эта миграция населения присырдарьинских культур предопределила ход этнокультурного развития всей Средней Азии в конце I тыс. до н.э.- перв. пол. I тыс. н.э.⁶¹ Это время, по основанному на множестве археологического материала мнению, может характеризоваться как эпоха очередной волны массовой миграции кочевого в недавнем прошлом и полукочевого населения, значительно изменившей облик местной древней культуры во всех ее проявлениях. Племена и народы, ведшие комплексное хозяйство в присырдарьинском регионе, сохранявшие традиционные устои общественной жизни и идеологии, вторглись в среднеазиатские оазисы, местами сменили местную социальную элиту, и в конечном итоге, принесли много нового и своеобразного в местную культуру от гончарных традиций до культовой архитектуры. Однако, вопрос о происхождении у этих племен жилищ «джетыасарского типа», насколько нам известно, не ставился⁶².

Учитывая известное положение, рассматривающее джетыасарскую культуру как культуру осевших, прежде кочевых и полукочевых в основном восточно-иранских по происхождению племен⁶³, логично видеть в ранних формах джетыасарского жилья воспроизведение жилищ свойственного этим народам на кочевой стадии, когда им *в качестве жилища служили преимущественно крытые повозки или жилища на колесах. Т.е. есть основания считать, что «истоки типа» раннего джетыасарского жилища лежат в домостроительных традициях кочевых в прошлом племен.* О существовании такого типа жилищ у скифов, алан, гуннов и вплоть до поздних кочевников неоднократно говорят древне и средневековые

авторы, наблюдавшие кочевой быт. Имеются и археологические материалы, позволяющие судить о внешнем и внутреннем облике этих домов на колесах. Это известные глиняный модели кибиток, т.н. «игрушки»⁶⁴. Или, например, детали интерьера скифских погребальных катакомб, которые, по мнению В.С. Ольховского, «свидетельствуют о стремлении смоделировать в камере интерьер жилой постройки или крытой повозки»⁶⁵. Из древних авторов интересно сообщение Гиппократа, который отмечает, что у скифов «нет домов, а живут они в кибитках», из них «наименьшие бывают четырехколесные, а другие — шестиколесные, они кругом закрыты войлоком и устроены подобно домам, одни с двумя, другие с тремя отделениями; они непроницаемы ни для воды (дождевой), ни для света, ни для ветров. В эти повозки запрягают по две и по три пары безрогих волов... В таких кибитках помещаются женщины, а мужчины ездят верхом на лошадях» (подчеркнуто мной – С.Е.А.)⁶⁶.

Здесь интересна подчеркнутая важная деталь – жилище на повозке, в отличие от другого более позднего изобретения кочевников, сборно/разборной юрты⁶⁷, могло состоять из двух-трех «отделений», мы бы сказали – комнат, если бы это было стационарное более капитальная каркасная, бревенчатая или кирпичная постройка. О мобильном жилище гуннов имеется сообщение у Аммиана Марцелина: «Они никогда не прикрываются никакими строениями и питаются к ним отвращение, как к гробницам... У них нельзя найти даже покрытого тростником шалаша; ... и на чужбине они не входят в жилища, за исключением разве крайней необходимости; у них даже не считается безопасным находиться под кровлей». «Все они, не имея ни определенного места жительства, ни домашнего очага, ни законов, ни устойчивого образа жизни, кочуют по разным местам, как будто вечные беглецы, с кибитками, в которых они проводят жизнь. Здесь жены ткут им жалкую одежду, спят с мужьями, рожают детей и кормят их до возмужалости»⁶⁸. Вполне справедливо замечание

⁶¹ Напр.: Аскarov А.А. Некоторые аспекты изучения этногенеза и этнической истории узбекского народа//Материалы к этнической истории населения Средней Азии. Ташкент, 1986, с. 3-14; Буряков Ю.Ф. Археологические материалы к этнической истории бассейна средней Сырдарьи в древности и средневековье., с.50-67.

⁶² Жилина А.Н. О некоторых древних чертах жилища оседлого населения Средней Азии//Всесоюзное археологическое-этнографическое совещание по итогам полевых работ 1972 года: Тезисы докладов и сообщений по этнографии. Т., 1973, с.54-55.

⁶³ Проблемы происхождения и датировки ранних этапов Джетыасарской культуры см.: Вайнберг Б.И. Этногеография Турана в древности. М., 1999, с.173-194.

⁶⁴ См.: Нечаева Л. Г. О жилище кочевников юга восточной Европы в железном веке (I тыс. до н.э. – перв. пол. II тыс. н.э.)/Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975, с.7-49.

⁶⁵ Ольховский В.С. Поминально-погребальная обрядность населения степной Скифии (VII-III вв. до н.э.). М., 1991, с.33.

⁶⁶ Цит. по: Нечаева Л. Г. О жилище кочевников., с.11.

⁶⁷ По мнению некоторых исследователей юрта, возникла у тюркских кочевников в середине I тыс. н.э. (Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. М., 1991, с.50).

⁶⁸ Цит. по: Нечаева Л. Г. О жилище кочевников., с.19.

Нечаевой Л.Г. о том, что и у гуннов в кибитках так же существовало разделение на 2-3 «отсека».

Нам же следует добавить, что при воспроизведении планировки мобильной кибитки в стационарных условиях из сырцового кирпича или пахсы, очевидно, и получались планировки жилищ подобные тем, что исследованы в нижних слоях джетыасарских, оттарских, каунчинских памятников, т.е. линейно расположенные 2-3 помещения с одним центральным жилым, подквадратным в плане. К тому же над этими центральными жилыми помещениями можно реконструировать пирамидально-ступенчатую крышу («типа дарбази») с центральным дымовым/световым отверстием над центральным очагом. Такие пирамидальные перекрытия были и над кибитками, о которых можно судить по их керамическим моделям⁶⁹. Они же реконструируются над святилищами присырдарьинских культур⁷⁰. Интересно отметить, что позже иной тип кочевого жилища – юрта, стала прототипом стационарного жилища в застройке золотоордынских городов. По мнению В.Л. Егорова, жилая ячейка/секция золотоордынской усадьбы имеет происхождение от формы жилища, возникшей в степях Монголии в результате трансформации юрты⁷¹.

Заключение. Предпринятый обзор палеоэтнографических данных по развитию жилого домостроительства в присырдарьинском регионе, органической частью которого были Оттарский и Туркестанский оазисы, свидетельствует о том, что здесь в течение более двух тысячелетий развивался один традиционный тип жилища. Он возник как повторение в новом материале образа и планировки жилища, существовавшего в мобильном виде, в виде жилища каркасной конструкции, обтянутой войлоками, кожами и тканями на повозке. С.И. Вайнштейн называет такой вид жилища «шалаш на колесах»⁷². Значение и роль этого вида мобильного жилья в истории культуры кочевничества оказалась, на наш взгляд, недооцененными. А появление у оседающих тюрко-монгольских племен и народностей стационарных форм жилья всегда и всюду объяснялось или заимствованием у ранее оседлых народов, или трансформацией юрты и ее более ранних прототипов⁷³. Мы же счи-

таем, что «оттарский тип жилища» имеет самостоятельное древнее происхождение, и прототипом его планировки было внутреннее устройство кочевой кибитки. Вероятно, что такой тип дома был распространен по бассейну Сырдарьи с движением «джетыасарцев», но вполне возможно, что при оседании очередной кочевой орды (ее части, естественно) на разных территориях каждый раз происходило независимое воспроизведение этой общей и естественной для новых участников процесса оседания формы жилища, но с различиями в мелких деталях интерьера. О том, что в прошлом кочевое население могло достаточно долго сохранять приверженность древним формам построек, выглядевшим в новых условиях как экзотичныйrudiment, свидетельствует, например, бытование в Средней Азии перекрытий в виде деревянного шатра над раннесредневековыми культовыми помещениями в массиве застройки из сырца и пахсы; или сохранившиеся в южных индийских штатах вплоть до средневековья традиция строить каменные индуистские ратха-храмы на колесах (храмы Сурии, Индры). По существующему мнению, эти каменные храмы на колесах воспроизводили форму деревянного мобильного храма, бытовавшего еще у древних ариев⁷⁴.

В результате нескольких волн инвазии населения с берегов Сырдарьи во внутренние оазисы Средней Азии, этот тип жилья, отразившийся в планировке культовых помещений, получил широкое распространение. Дальнейшая эволюция была обусловлена появившимися в условиях стационарного быта новыми возможностями, а также особенностями местных домостроительных традиций. Существенные преобразования в интерьере жилища повсеместно происходили в эпоху проникновения в культуру местного населения бытовых норм ислама. Этот процесс, как и процесс исламизации оседлого населения края, был растянут во времени. В конечной фазе на нем оказались последствия этнокультурного смешения, вызванного монгольским завоеванием края. В результате, к концу XIII сложился «оттарский тип жилища», просуществовавший в регионе вплоть до XXв. Учитывая четко различимый «южноказахстанский компонент» во влияниях на сложение городской культуры Поволжских городов золотоордынской

⁶⁹ Нечаева Л. Г. О жилище кочевников..., рис. 1.

⁷⁰ Гуревич Л.В. К интерпретации пенджикентских «капелл»..., с.76-77.

⁷¹ Егоров В.Л. Жилища Нового Карагана..., с. 180-182; Егоров В.Л., Жуковская Н.Л. Типы традиционного сельского жилища Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии. М. 1979. с. 198-216.

⁷² Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии..., с.49.

⁷³ Харузин И.Н. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России..., с.1, 43-46.

⁷⁴ Павлов Н.Л. Алтарь. Ступа. Храм. Архаическое мироздание в архитектуре индоевропейцев. М., 2001, с. 153-154.

эпохи⁷⁵, можно сформулировать предположение, что этот тип жилища (в полной трехчастной форме) в период интенсивного строительства городов и поселений в северо-каспийских регионах Золотой Орды, распространился с берегов Сырдарьи до среднего течения р.Урал. Как оказалось усадьбы Жаикского городища состояли из подобных жилых ячеек, но только с системой отопления в виде типичных калов⁷⁶. В то время, как в синхронной застройке Поволжских городов преобладали усадьбы с жилищами «монгольского типа» с похожими жилыми ячейками, но отличными по планировке и технологиям строительства от «отрарского жилища»⁷⁷. Похоже, это был последний исторический период, когда «жилища отрарского типа» оказали влияние на жилищное строительство в отдаленных от берегов Сырдарьи регионах.

Резюме

Отырар қалажұрттында қырық жыл бұрын басталған кең көлемдегі зерттеулер көрсеткендегі түрғын үй архитектурасы XVI-XVIII ғғ. Оңтүстік Қазақстанның қалалары мен мекендерінің құрылышын құраған дәстүрлі түрғын үйлерді суреттеді. Өзіндік жобалары археология мен этнология үшін негізгі қызмет атқарғандықтан «отырарлық үлгідегі түрғын үй» деген түсінік қалыптасты. Палеэтнографиялық зерттеулер түрғын үйдің бүл үлгісі дәстүрлі оңтүстік қазақстандық қалалардың ежелгі халықтарына тән екендігін көрсетті. Аталған мақалада осы кейінгі ортағасырлық түрғын үй үлгісінің пайда болуы жөнінде сауал қойылып, қарастырылған. Кордаланған археологиялық мәліметтердің негізінде «отырарлық үлгідегі түрғын үйдің» басты белгілері монгол уақытынан кейінгі жүйеде, яғни XIII ғ. аяғында қалыптасқандығы анықталды. Бүл түрғын үй үлгісінің қалыптасу негізінде IX-XII ғғ. қалалар мен мекендердің құрылышын сипаттайтын дәстүрлі үйлердің жобасы жатыр. Осы уақытта ислам ережелерінің әсері тарап, жергілікті тұрмыстық мәдениетке енгендіктен дәстүрлі түрғын үй үлгісінде

өзгерістер болды. Автордың пікірінше деректемелік қордың осындағы жағдайы ерте ортағасырлық түрғын үйлердің кейіп оңтүстік қазақстан аймағына III-IV ғғ. белгілі деп есептеуге мүмкіндік береді, мұнда ол осы уақытта Сырдария өзенімен жоғары жетіасар мәдениеті халықтарының тарапуымен келген. Ал, кейінгі «отырарлық үлгідегі түрғын үйдің» алғашқы түрі болып есептелетін түрғын үйдің ежелгі түрі ежелде жергілікті жартылай көшпелі халықтарда кеңінен қолданылған көшпелі киіз үйлерден келіп шықкан.

Summary

As have shown begun almost forty years ago large-scale researches of the Medieval Otrar the inhabited architecture of all Southern Kazakhstan in XVI-XVIII centuries represented by traditional dwellings making building of cities and settlements. The original lay-out has formed the basis for development in archeology and ethnology of the concept of «dwellings of Otrar kind». Pale ethnographical researches have shown that this character of dwelling was peculiar to the ancient population traditional for Southern Kazakhstan cities. In this article it the question of an origin of it Late Medieval kind of dwelling is putting and considered. On the basis of the saved up archeological data it is established, that the basic attributes «dwellings of Otrar kind» develop in system in after-Mongol time and to speak about «Otrar kind of dwelling» it is possible already from the end of XIII century. The basis for formation of this character of dwelling was the lay-out of traditional houses which were characteristic for building cities and settlements in IX-XII centuries. There was a transformation of a traditional character of dwelling under the influence of norms of an Islam, permeated in local household culture, in this period. By the opinion of the author, the status of source study base is those, which allow counting, that Early Medieval dwelling, which countenance in South Kazakhstan region is known from III-IV centuries, was brought here with distribution at this time upwards of Syr-Darya River the population of Djetyasar culture. And the early type of the stationary dwelling becoming the prototype of late «Otrar dwelling kind», has an origin from dwelling such as a nomadic tilt cart widely occurring in an antiquity at local semi-nomadic population.

⁷⁵ Ерзакович Л.Б. О южноказахстанском компоненте в материальной культуре городов Золотой Орды // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970. с. 60-68.

⁷⁶ Байтаков К.М., Смаголов Е.А., Ахатов Г.А. Средневековое городище Жайык..., с.72-80.

⁷⁷ Зилибинская Э.Д. Усадебные дома в городах Золотой Орды//Этнокультурное взаимодействие в Евразии. М. 2006. Кн. 1. С.364-377.